

связь указывал в 1810 году и близко стоявший к Оленину В. В. Капнист, который в своем истолковании „Слова“ пользовался помощью члена оленинского кружка А. И. Ермолаева.¹

А. Н. Оленин несомненно был также убежден в необходимости проведения связи между упоминаемым в древней поэме именем Трояна и историческим именем императора Траяна. Нельзя признать случайным то, что в своем „Опыте об одежде“ начальный период культурной и государственной жизни славян Оленин приурочил ко „времени Траяна“, причем привел ряд аргументов в пользу своего мнения. Не случайно и то, что всю историю изменения одежды древних славян и „словенороссов“ Оленин несколько наивно подразделил на три больших периода: 1) от времен Траяна до татарского нашествия, 2) от татарского нашествия до времен Петра I, 3) от преобразований Петра I до XIX века. Не приходится сомневаться в том, что „времена Траяна“ в „Опыте об одежде“ ассоциировались в сознании его автора с „веками Трояна“ из „Слова о полку Игореve“. Несомненно и то, что развитию в науке подобного взгляда на упоминаемое в древней поэме имя Трояна названный труд Оленина оказал немалое содействие.

Следует указать также и на непосредственное упоминание „Слова о полку Игореve“ в „Опыте об одежде“. „Русские щиты, — делает в нем замечание Оленин, — были покрыты кожей красного цвета. А потому певец похода Игоря Святославича говорит: «Русичи великая поля червленными (красными) щиты перегородиша, ищучи себе чти, а князю славы»“.² Достоверность описания древнерусских щитов в „Слове о полку Игореve“ для Оленина подтверждалась в названном месте ссылкой на труд французского историка Готье д'Арка „История завоеваний норманов“, в котором Олениным было разыскано указание на то, что норманы в X—XI веках также носили красные щиты.³

Приведенное выше место из „Опыта об одежде“ показывает дополнительно, каким богатым для изучения древнерусской жизни и каким верным исторической действительности памятником считал Оленин древнюю поэму об Игореveм походе.

Большая загруженность А. Н. Оленина разнообразными служебными обязанностями препятствовала всю жизнь развитию его научной деятельности. Выработанный Олениным план издания свода русских летописей остался неосуществленным. Несмотря на продолжительный свой интерес к „Слову о полку Игореve“, Оленин не оставил после себя ни одной законченной работы об этом памятнике русского художественного слова. Тем не менее в бумагах Оленина, рассеянных в разных книгохранилищах и архивах Москвы и Ленинграда, в будущем еще могут быть разысканы оставшиеся нам неизвестными его замечания и заметки о „Слове о полку Игореve“. Судя по цитированному выше письму А. Н. Оленина к П. И. Соколову, Оленин чувствовал себя подготовленным для объяснения наиболее трудных слов древней поэмы, которые он предлагал ввести в академический словарь. Не исключена возможность, что часть подобных объяснений находится

¹ См.: Д. С. Бабкин. „Слово о полку Игореve“ в переводе В. В. Капниста. Сборник статей „Слово о Полку Игореve“ под ред. В. П. Андриановой-Перетц, М.—Л., 1950, стр. 362 и 365.

² А. Н. Оленин. Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян от времени Траяна и русских до нашествия татар. СПб., 1832, стр. 48.

³ Gauttier d'Arc. Histoire des conquêtes des Normands, Paris, 1830, p. 117.